

Нет, не сверкающий кристалл,
Стен, окон мимо, тронных зал
К воротам, в золотой орнамент
Главенствующий, вход в оправу —
Вот это возвышает, а не слава
В обильных лаврах. Так по праву,
Блеск живости огня, горящей лавы,
Лоб осеняет справедливо, верно,
Забравшийся под колкий терний,
Под тень бровей, раскинутых порозно.
А там вдруг — радужно-просквозный
Свет утренней звезды, глядящей просто.
Как по чертам от дольных, горних стран
Верховное читать, на карту наносить
Все лица, все глаза, и как детей учить,
Все слыша голоса, всех залеченьем ран —
Свой голос надо всеми, как привет
Отеческий, и мрачным, и послушным.
Посев ленивых дуновением иссушит,
Улыбку сверху пустит, как просвет.
И вот уже предупреждает бойню,
В гулянку метит людоедскую толпы,
Смеясь раскатисто, взлетевшие щепы
Кругом взовьёт, а после тишь, покойно...
Лишь просверкнёт, как выбитый кастет —

Руки правителя кровавая угроза,
Впитаются в траву и землю слёзы,
Дыханьем свежим погасит аффект,
Лишь бровью поведя на ярость и испуг,
Поможет избежать несчастий злого роя,
Созвездие беды заменит на иное,
Раскинув небом безмятежный луг.
Для тучных выпасов, весенних игр, постоя
Звёзд кочевых, их златорунных грив,
Кругом обзоры светляками оросив.
По небесам заселит густо живность,
Дивясь на благодать и купола обширность,
Медведям господин, где никому не тесно,
Львам гривы чешет, и в затишье вод небесных,
В созвездье Рыб — свободный ход лосося,
Умеренное зло сторожкий Змееносец
За хвост придержит, всю чешуйчатую силу
На красоту отдаст отдельных переливов.
Лучистость мягкую от звёзд возьмёт в рассаду,
Округлых, как снежки, на острия насадит
Рогов Вола, чтобы не ранить дланей Девы,
Глаз правый зеленью нальёт, лазурью левый,
Румянец с бледностью мешая ей в лице
Меж кос распушенных, как ласка на конце.
Тут властвует порядок в беспорядке,
Простоволосы звёзды, кругло-гладки
Головки пажей, как точёные шары,
Планеты-спутники внимают. До поры
Туманности дремотной негой снов
Покажутся для пришлых чужаков,
Но сетью оплетут своей проворной,
И убаюкают намеренья от вздора.
Здесь стрелы не догонят Гончих Псов,
Тут копыта не сразят, не обнажат клыков,
Когтями страшными ничьё не ранят горло,
Не нападут на змей и белых голубков,
Не свянет вечно-свежих роз альков,

Да будет цвет не окроплён росой кровавой
В надземной и заоблачной державе!
Пусть цвет лилейный света только ищет,
От ярких двух огней рождается тыща,
Проросшая из солнечных корней,
Чем блеск вершины ближе, тем верней,
Он Лебеда ведёт к коленям Леды,
Персей склоняется на перси Андромеды,
Там Сердце Карла, розовый пульсар,
Колеблется, искрясь, ударом за удар,
Погружено в нежнейший вар из бликов,
И всё из-за Волос прекрасной Вероники,
Здесь Лев играет резво с Близнецами,
Ковш изливает Млечный путь для Лани,
В Драконе спит всепоглощающий огонь,
Хоть живо всё вокруг, и ничего не сон.

Так что же я, всем телом каменею.
Как хлеб познания, горек и суров,
Что каравай, забытый между пиром.
Устройство многогрешное оков —
Края железа не умащены елеем,
Меж твердью земной с небесным миром
Душой кровоточу под коркой, ибо
Я чувствую всем болевым порогом
Колёсное движенье, словно дыбу,
Покровом сим, смирительным и сирым,
Суставы из орбит, срывая по итогу,
И струны из моей звучащей лиры.

***

Сердце моё выкрикивает любовь, точно немеет оно,
Сдавлено ложью, всё ж поднимается до любви,
Живое, рыдает рыдмля любовью, ею смеётся оно,
Просит, дай сердце твоё, чтоб вместе петь о любви.

От переводчика:

Титульная страница поэтического сборника Матея Казимира Сарбевского (Maciej Kazimierz Sarbiewski) «Lyricorum Libri IV», изданного в Антверпене в 1632 году, выполнена по рисунку Рубенса. Его поэзией зачитывалась вся европейская элита того времени. В одном только XVII веке в городах Европы вышло 30 изданий стихотворений Матея Казимира. Уроженец Мазовии, Сарбевский добился всевропейской славы: папа Урбан VIII наградил лавровым венком «христианского Горация». В творчестве Сарбевского, который часть жизни провёл в Риме, европейская традиция сочеталась с польской.

Сарбевский был ещё и теоретиком барокко, отстаивал принципы свободы творчества, реализующегося через художественную фантазию. Искусство, по Сарбевскому — идеальная реальность, творимая по аналогии с божьим творением Вселенной, а поэзия может приближаться к уровню познания к философии и теологии. Идеальными образцами мировой поэзии считал «Илиаду» Гомера и «Энеиду» Вергилия.

Считается, что написанная Сарбевским под конец жизни, но не сохранившаяся, эпопея о Лехе могла бы стать настоящей сарматской Энеидой.